

О черновиках Достоевского сквозь призму бульварного жанра

Связь творчества Ф. М. Достоевского с традицией бульварного романа отмечали и Л. П. Гроссман [см.: Гроссман 2011], и М. М. Бахтин [см.: Бахтин 2016], и П. Мейер [см.: Meyer 2008]. Конечно, жанр бульварного романа повлиял на творчество писателя; особенно четко прослеживается влияние на Достоевского Э. Сю, родоначальника жанра, и П. де Кока, которого Достоевский постоянно ругал в своих произведениях — от упоминания «цветочков польдекоковских» [Достоевский 1972—1990/14: 101] до высказывания прямого пренебрежения талантом де Кока [см.: Достоевский 1972—1990/5: 282]. Несмотря на несколько насмешливое отношение к бульварному роману, писатель действительно многое взял оттуда: закрученный сюжет с множеством линий и персонажей, обилие мелодраматических сцен, построение интриги на скандалах и почти детективных тайнах, которые держат читателя в напряжении. Персонажи романов Достоевского своими чертами напоминают типичных героев Сю: бедные больные семейства Мармеладовых и Снигиревых, благородные сердцем содержанки Настасья Филипповна и Грушенька, проститутки с чистой душой вроде Сонечки, а также обитающие где-то ближе к социальному дну города приятной внешности аристократы с подмоченной репутацией — Свидригайлов, Валковский, Ставрогин, Версилов.

Однако если заглянуть в черновики Достоевского, становится ясно, что основная часть сюжетных ходов, восходящих к бульварному роману, остается за пределами окончательной редакции. Достоевский перебирает множество вариантов, которые переходят из черновых записей одного романа в черновые записи другого: именно так тайная жена Идиота, которая должна была явиться в середине романа, превратилась в Марию Лебядкину из «Бесов», а мощи из черновиков «Подростка» возникли в «Братьях Карамазовых». Мы взяли для рассмотрения три романа —

«Идиот», «Бесы» и «Подросток». Выбор связан в первую очередь с тем, что их черновики представлены наиболее полно, включают предварительные планы и позволяют составить наиболее точную картину генезиса произведений. В статье мы рассмотрим некоторые — наиболее репрезентативные, на наш взгляд, — сюжетные линии и мотивы, не попавшие в окончательные версии романов.

Во многих бульварных романах одной из важных тем является семья. Сложные взаимоотношения между родственниками, кровопролитные порой конфликты из-за наследства («Агасфер» Сю) или мечь («Разносчица хлеба» К. де Монтепена), прячущиеся в шкафах любовники и любовницы, измены и ревность супругов («Мемуары дьявола» Ф. Сулье), внебрачные беременности, подкинутые, незаконнорожденные и брошенные родителями дети («Вишенка» де Кока, «Парижские тайны» Сю) — все это свойственно бульварному роману и многократно высмеяно критиками.

Достоевский не очень часто использует подобные, отдающие водевильностью, приемы в окончательной версии романов. Однако в черновиках «Идиота» есть записи, говорящие о намерении Достоевского наградить главного героя не только тайной женой (которая к тому же кончает жизнь самоубийством [см.: Достоевский 1972—1990/11: 189]), но и матерью:

Не сделать ли так, что Мать Идиота жива (характер).

NB. Дядя же всегда пренебрегал Идиотом. Он думает, что Мать потаскушка где-то в губернии. От купца Идиот узнает, что Мать в Петербурге.

Идиот отыскивает Мать, грязь, ужас и характер.

Или: Мать его замужем. Странная семья. Бедные.

Мать действительно бежала от Дяди с купцом, оставив ему Идиота. (А потом за чиновника-старичка. За старичком и ходит.) А от Дяди прчется. У ней дочка [Достоевский 1972—1990/9: 176].

Ситуация осложняется тем, что в семье Идиота вообще довольно запутанные отношения:

Муж — старичок пьяненький. А к Матери ходит Прыгунчик и ее содержит: это, где Инженер, родня Сына. (Умецкая же тоже у них.) (А если Прыгунчик, то он протезирует Идиота. Обкрадывает Инженера и свое семейство. Но к Матери, главное, ходит Купец (и Купец, и Прыгунчик). Да еще узнает он, что Дядя, через Костенькиныча, делает вспоможение.)

NB. Без Прыгунчика, просто Купец, а Дядя вспоможение, но Прыгунчик является, по старой памяти.

<...>

2 ноября.

Наскоро.

Он законный, но непризнанный сын Дяди. Идиот. У Умецких его обвенчали. Потом Дядя послал его в Швейцарию. Дядя всю жизнь боролся с сомнением: *его ли* это сын или нет? Умецкие это знали. Он женился в особом расположении духа [Достоевский 1972—1990/9: 177].

Вполне возможно, что в итоговую версию романа Мать Идиота перешла в виде матери Ипполита, к которой ходит Ардалион Александрович.

Иногда в черновиках Идиот представлен как незаконнорожденный [см.: Достоевский 1972—1990/11: 189] (судя по всему, именно из черновиков «Идиота» идут корни незаконнорожденности Подростка). Незаконнорожденность Идиота могла бы иметь большой эффект и красиво оттенить идею героя, о чем писатель и рассуждает в черновой записи: «ВОПРОС КАПИТАЛЬНЫЙ: В чем фигура Идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль? При законности или незаконности?» [Достоевский 1972—1990/9: 187]. Иными словами, автор прекрасно осознает, что этот бульварный мотив может быть использован как дополнительное средство для выражения идеи, и отвергает в конечном счете незаконнорожденность потому, что так будет «гордости больше»: «Законный. Гордости больше. Гордость доказать, что он один и без помощи богатства или кого-нибудь одолеет всем» [Достоевский 1972—1990/9: 187].

В подготовительных материалах «Бесов» есть упоминание следующей ситуации: князь, в дальнейшем принимающий имя Ставрогина, вступает от скуки в связь с Воспитанницей, которая

беременеет. Возможность брака не рассматривается никем, потому Воспитанницу собираются выдать замуж за Учителя, который влюблен в нее. Учителю предлагают 15 тысяч рублей, но он отказывается от них; кончается же все браком князя и Воспитанницы, которая не чувствует себя счастливой, и отъездом Учителя, который не берет денег и покидает дом с одним чемоданчиком. Дорогой его убивают [см.: Достоевский 1972—1990/11: 58—60].

Даше Шатовой предназначалась одна из главных ролей, вокруг нее должны были увиваться не только Ставрогин и старший Верховенский, но и другие мужчины — Шатов и Петруша. Но в какой-то момент Достоевский вспомнил, что Шатов и Даша — родственники, и пытался решить, что же предпочтительнее для романа: семейные узы или любовные взаимоотношения:

НВ. ВАРИАНТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ: не сделать ли Ш<атова> не братом жене Гр<ановско>го, а прежним влюбленным в нее (теперь женатым на Нигилистке). Но об этой любви к Ш<атову> говорит только Нечаев (да и то подзадоривает Гр<ановско>го, который в первый раз слышит). Князь тоже знает. Ему тоже известно, что Воспитанница хоть и симпатизировала, но не любила Ш<атова>. Во всем романе между Ш<атовым> и Воспитанницей — отдаленные сношения. Но Нечаев выводит историю и из Ш<атова> [Достоевский 1972—1990/11: 140].

В конце концов выбор остановился на первом варианте, но, судя по черновым записям, Достоевский еще вернется к мучающему его вопросу. Поскольку с уходом Шатова любовная интрига между Иваном и Дарьей распадается, рушится и любовный многоугольник. Даша отходит на второй план, а позже и вовсе теряется в тени более яркой Лизы.

Нетрудно заметить, что 15 тысяч рублей и женитьба «на чужих грехах» трансформируется в нелепое сватовство Верховенского к Даше Шатовой; отъезд, сопряженный со смертью, превращается в нелепый уход Степана Трофимовича. При этом меняется и причина, по которой героиню выдают замуж: в окончательной редакции Даша не беременна. Также претерпевают серьезные изменения характеры всех персонажей.

Не меньше родственных хитросплетений и в черновиках «Подростка». Изначально Версилов не является отцом Подростка [см.: Достоевский 1972—1990/16: 41], Лиза приходится Версильову падчерицей, а не родной дочерью и находится с ним в любовных отношениях. Кроме того, Лиза кончает с собой после смерти матери [см.: Достоевский 1972—1990/16: 43]. В одном из вариантов романа в живых из семейства в конце концов оставался только Подросток. В ранней редакции Версилов, как и Лиза, совершает самоубийство:

Лиза непременно (падчерица), генеральские дети. Бедный мальчик больной. Ушел по смерти матери. (Или убил себя. Птичка.) Отчим его преследовал болезненно. Потом, в конце, когда жена умерла, Лиза повесилась, а мальчик сбежал: ОН исповедуется сыну и говорит, что вынесть не может образ; всё рассказывает, как загаливался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние), как мучил жену, ребенка, Лизу, — застреливается [Достоевский 1972—1990/16: 43].

В более поздней редакции, где о смерти Лизы не сказано, Версилов уходит в монастырь, где вешается: «После всей тоски в финале ОН вдруг исчезает. Подросток узнает, что ОН пошел в монастырь. Через месяц удавился в монастыре» [Достоевский 1972—1990/16: 105]. В черновых версиях помимо Лизы и Подростка в семействе был еще и весьма болезненный маленький мальчик, сбежавший из дома. Мальчик до финала романа тоже не доживал и топился [см.: Достоевский 1972—1990/16: 119, 132]. Скорее всего, настолько мрачный и одновременно водевильный в своей неправдоподобности финал кажется Достоевскому малопривлекательным, он все же снизил градус трагизма и не стал убивать ни Лизу, ни мать, ни Версильова. В случае с «Подростком» приходится признать, что финал окончательной версии относительно бескровен и оптимистичен: семья Подростка не умирает полностью. Романом, в котором Достоевский разошелся меньше всего с черновиком и, как и планировал в предварительных редакциях, уничтожил большую часть героев, являются «Бесы»: убито и умерло как минимум десять персонажей.

С бульварной литературой романы Достоевского роднит также следующий факт. На самых ранних этапах работы над произведением Достоевский, чтобы ориентироваться в сюжете, часто использует роли персонажей в качестве имен (Князь, Воспитанница и т. д.). Лишь составив полную картину взаимоотношений, Достоевский наделяет героев именами и фамилиями. Этим можно объяснить, почему Достоевский однажды забыл имя собственного персонажа [см.: Достоевская 2015: 148]: для писателя первостепенно амплуа, а не имя героя. Отметим, что набор ролей был весьма схож с бульварным: Князь, Красавица, Воспитанница, Учитель, Студент, Княгиня; Идиот, Мать, Жена, Сын и т. д. Таким образом, создавая своих персонажей, Достоевский мыслит бульварными амплуа.

Как и авторы бульварных романов, Достоевский вдохновляется газетными происшествиями, черпает материал из действительности. Это касается как дела Нечаева, легшего в основу романа «Бесы», так и инцидента с Ольгой Умецкой, которая стала прообразом Настасьи Филипповны. В черновиках можно увидеть отсылки к газетам и журналам, в частности, ими изобилует черновик «Подростка» [см.: Достоевский 1972—1990/ 16: 156, 159, 164, 195].

Отдельным мотивом, роднящим творчество Достоевского с бульварным романом, является мотив пожара. Для бульварного романа он достаточно важен: пожар — способ заставить исчезнуть в одночасье прошлый уклад жизни и заставить персонажей изменить свой путь. На пожаре строится сюжет «Разносчицы хлеба» Монтепена, пожар случается в «Агасфере» Сю и упоминается в «Парижских тайнах».

Достоевский планировал включить пожар еще в «Преступление и наказание», о чем неоднократно упоминал в черновиках [см.: Достоевский 1972—1990/7: 134, 135, 137, 139, 143, 149, 317]. Однако пожар, которому была уготована важная роль в произведении, попал в печатную версию романа в виде небольшого упоминания в самом конце. Зато поджог дома появился в предварительных записях «Идиота», в котором огонь должен был выразить характер Настасьи Филипповны, списанной отчасти

с поджигательницы Ольги Умецкой. Помимо собственно пожара, в черновиках фигурирует сожженный палец: сжигая его, Идиот пытается доказать Настасье Филипповне свою храбрость. Причем этот эпизод находится рядом с упоминанием о сожженном доме («Зажигает дом. Сжег палец по ее приказу» [Достоевский 1972—1990/9: 141]). Пугающая сцена обжигания пальца упоминается Достоевским более десяти раз, и она также должна была занимать немаловажное место в романе [см.: Достоевский 1972—1990/9: 141, 144, 153, 161, 166, 167] — зрелищная, полная театрального пафоса. В окончательной версии мы находим лишь предложение Аглаи сжечь палец на свечке, адресованное Ганечке [см.: Достоевский 1972—1990/8: 479], и еще одно упоминание: Аглая лжет Мышкину, утверждая, будто Ганечка любит ее, исправился и даже сжег пальцы ради ее прихоти, а князь ловит ее на лжи [см.: Достоевский 1972—1990/8: 360]. Эффектная и значимая сцена, ввергающая читателей в трепет, трансформировалась в дурную шутку. Лишь в романе «Бесы» пожар, столь долго обдумывавшийся Достоевским, наконец-то состоялся. Позже в черновиках «Подростка» автор будет часто упоминать пожар, но, судя по всему, в переносном, а не прямом смысле, как синоним скандала.

Перечислить все черты влияния бульварного романа, отразившиеся в черновиках Достоевского, в данной статье невозможно, поскольку тема эта весьма обширна. Гораздо важнее отметить, что, несмотря на отразившееся в черновиках влияние бульварного романа, писатель сознательно отказывается от большей части построений, жертвуя увлекательностью и эффектными сценами. Родственные хитросплетения, изначально положенные Достоевским в основу романов, перетянули бы внимание читателя на сюжет, не дав сконцентрироваться на идеях — писатель удерживает баланс, убирая сюжетные нагромождения. Писатель тонко чувствует, когда не стоит использовать подобные мотивы, дабы не опошлить идею и не сделать роман бульварным, но активно применяет бульварные ходы для возбуждения читательского интереса.

СОКРАЩЕНИЯ

Бахтин 2016 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 2016.

Гроссман 2011 — *Гроссман Л. П.* Поэтика Достоевского. М., 2011.

Достоевская 2015 — *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 2015.

Достоевский 1972—1990 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972—1990.

Meyer 2008 — *Meyer P.* How the Russians Read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy. Madison, Wis., 2008.